

АЛЕКСЕЙ КОМЛЕВ

ВЕРНЫЕ ЧАДА

РАССКАЗЫ

Алексей Комлев

Верные чада

«Издательские решения»

Комлев А.

Верные чада / А. Комлев — «Издательские решения»,

Герои рассказов — молодые люди, перешагнувшие из советского прошлого в девяностые и, несмотря на жизненные обстоятельства, старающиеся сохранить в себе нравственное начало, приобретённое в другой стране.

Содержание

В атаке	6
Многая правда	7
Наше Рождество	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Верные чада
рассказы
Алексей Комлев**

© Алексей Комлев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В атаке

1989 г.

Алик прибежал домой возбуждённый:

– Быстрее, дедк! В спортивном кроссы дают!!!

Дедушка на миг прервал своё дело, но потом, поняв, видимо, что проблема пятнадцатилетнего внука куда более существенной приготовления обеда, отложил в сторону недочищенную картошку, нож, сполоснул в рукомойнике руки и пошёл с кухни в свою комнату, чтобы переодеться.

– Ну быстрее, деда! – Торопил Алик, дрыгаясь на месте от нетерпения всем телом.

Дедушка никогда не спрашивал, нужна ли единственному внуку та или иная вещь. Тот гостил у него один раз в году, летом, и здесь всё было подчинено ему. И хотя родители оставляли деньги, их едва хватало, чтобы дотянуть до их приезда. Но тем ни менее Алик ни в чём не нуждался и никогда не задавался вопросом: откуда всё берётся? Ему казалось, что беспечное, беззаботное детство будет продолжаться ещё долго.

Дедушка не думал о деньгах. Не думал он и о том, как может о нем отозваться внук. Беря потрёпанные трёшки и рубли из своей коробочки, в которой всегда была некоторая сумма для каких-либо неожиданностей, он пытался представить обстановку, которая царила в это время в магазине. Как ветерану войны, его всюду пропускали без очереди, но этим правом он пользовался редко. Если честно, то он совсем им не пользовался и отказался от существующих льгот. Он не мог себя считать лучше других – молодых и старых. Единственное, когда приходилось ломать свой характер, это он делал ради внука или других людей.

Больше всего его волновала ситуация, которая могла сложиться в магазине. Ведь одно дело – брать билет на поезд в кассе вокзала, и совсем другое – явиться за импортными кроссовками, где народ его просто не поймёт. От нехорошего предчувствия сильнее забило сердце. Дед подумал, что лучше броситься со связкой гранат на вражеский танк, как это не раз бывало в годы войны, чем вклиниться в толпу «наших» и прорвать рубеж у прилавка. Но внук всё сильнее стоял на своем, торопил и было заметно, как он про себя проговаривает ругательства.

В конце концов они вышли из дома и направились к спортивному магазину, который был не далеко. Алик бежал впереди, постоянно оглядываясь и стараясь задать темп. На ходу он успевал нахваливать вещь, которую вот-вот должен был надеть. Его сознание было окружено толпой ребят со двора, жадно кусающих пальцы от зависти. В эти секунды ему хотелось кричать от восторга, бросить всё и быстрее убыть домой на смотрины.

Вокруг дедушки была иная картина. Со всех сторон бухали мины, разрывались бомбы и снаряды. Над его головой то зависали немецкие самолёты, то со скрежетом и лязгом наваливались танки. Оглушающе била наша артиллерия, пытаясь удержать продвижение врага. Но снарядов на батарею не хватало, как воздуха.

– Деда! Что с тобой? Пришли уже! – Старик очнулся от пронзительного голоса внука.

– Да-да, идём, внучек, идём. – Как-то виновато проговорил задохнувшийся, не столько от быстрой ходьбы, сколько от волнений, дедушка и они зашли в магазин.

Здесь его волнения прошли – магазин был пуст от людей, но кроссовки действительно были. Откуда же такая боязнь толпы, людской давки? Тут он вспомнил, что на днях видел похожую картину по телевизору. Там действительно всё было по-другому и люди теряли человеческий облик в битве за дефицит. Как-то больно ему было видеть и то, что среди дерущихся были участники, ветераны войны. В тот день у дедушки болело сердце. В этот вечер тоже. Но Алик этого не знал.

Многая правда

1998 г.

Рудька уже шесть лет работал в издательстве и за это время, когда экономическое положение страны с каждым годом становилось всё хуже и хуже, он всё больше и больше убеждался в силе своей отрасли. Всюду своим знакомым он говорил о жизнеспособности полиграфического производства, распространялся о том, что издательское дело остаётся на плаву, а благодаря новым технологиям, даже набирает обороты.

Когда его спрашивали, сколько мест он поменял за эти шесть лет, Рудька совершенно откровенно называл причину. «Да, – говорил он, – ушёл по собственному желанию. Почему? Они издавали ереси...»

Но вот 17 августа громыхнуло так, что с огромной армией таких же как он, верстальщиков, Рудька оказался за воротами. Последнее место для него было более-менее приличным и он проработал там почти три года. Но...

Когда через месяц Рудька пришёл в себя и образ жизни его уже проходил иначе, протекал, так сказать, в другой колее, он сначала смутно, а потом всё яснее и яснее стал догадываться о бесперспективности своего положения. Сознание сопротивлялось из последних сил – он не хотел разменивать свою профессию на что-то, скажем так, менее профессиональное. Мысль по поводу перемены не места работы даже, а именно профессии, пугала его. «Махать метлой или ящики разгружать может каждый, – рассуждал он про себя. – А вот книжку сверстать...»

Неделя за неделей, прошло четыре месяца. За это время с ним произошёл такой эпизод, после которого Рудька долго не мог очухаться. Быть может и сейчас ещё не пришёл в себя.

Ему позвонил знакомый из другого издательства и предложил подработать, выполнив разовый заказ. Как Рудька обрадовался хотя бы и этой возможности! Он тут же приехал, забыв, какая специфика была у того издательства. Переступил порог и вспомнил. Но отступить было поздно.

Сократив состав производственного отдела, как и многие другие небольшие издательства, это постепенно снова взялось набирать обороты. Приглашать бывших штатников было рановато, а вот кого-то со стороны не так накладно. Короче, Рудька взялся за книгу и сделал макет в 480 страниц за четыре дня. Ну, была там ещё последняя правка, вывод на плёнку, плюс, ещё два дня. За это он получил 700 рублей и был бы доволен, если бы...

Книга по астрологии по своей внешней сути ничем не отличалась от миллиона остальных книг. Бумага, как известно, не краснеет. Но как быть с внутренним содержанием, когда, держа такую книгу, начинает краснеть сам читатель. Понять ситуацию, в которой оказался Рудька, сможет только верующий православный человек, каковым он и сам был.

Придя домой, он плюхнулся на диван и долго лежал, уставившись стеклянным взглядом в потолок. В памяти воскресились дела давно минувших дней. Первые два или три издательства, с которых Рудька начинал свою полиграфическую карьеру, занимались изданием книг, которые в православной среде считались еретической литературой. Больше того, здесь были и откровенная хула и не прикрытый сатанизм. «Знаем ли мы, что творим?» – часто спрашивал себя Рудька и приходил к выводу, что знаем.

Он вспомнил тех, кто возглавлял эти издательства. Одно из них выпускало еретический журнал и книги по какому-то индийскому учению. Можно было назвать это и сектой, так широко развернулись. Другое издательство делало журнал, державшийся на психоанализе. Там же было организовано не только издательство, но сначала основан центр по изучению, так сказать, научного достояния Фрейда.

Рудька в те годы, всё более и более становясь выцерковлённым человеком, не мог дальше оставаться в подобных организациях, принимать участие в их деятельности, хотя бы и косвенно. Но вот теперь, казалось, всё повторилось? Не совсем.

Когда впервые год назад на какой-то книжной выставке он познакомился с главным редактором издательства, от которого и взял теперь этот разовый заказ, тогда у них произошёл интересный спор. Рудька с лёгкой руки запустил камень в чужой огород, сказав, что «недостаточно» в нашей стране ещё ересей и бесовщины. На что редактор неожиданно парировал словами из Евангелия, приблизительно так: «Пусть будут, пока не придёт время, когда будут посрамлены».

– Ну я понимаю, – согласился Рудька, – каждый выживает как может.

– Нет, – услышал он снова возражение в свой адрес, – мы сознательно печатаем и распространяем такую литературу.

– И Вы верите во всё это?!

– В том-то и дело, что нет.

– Как же тогда?

– Мы знаем, что Церковь не приветствует распространение подобных книг. В этом плене, может быть, Вы и правы – мы выживаем. Но к каждой книге мы даём комментарии и предостережения.

– Получается, что авторы сами обличают себя, так что ли?

– Да. Они дают согласие на комментарий с нашей стороны.

– Неужели все согласны с такой политикой?

– Не все. Кто не согласен, идёт искать другое издательство.

– Всё равно мне Вас не понять. Так или иначе, но Вы распространяете ереси.

Вот какой разговор был год назад, а сегодня Рудька зависел от собственного своего безвыходного положения. Один он вывод для себя сделал правильный – никогда и нигде больше не орать по поводу своих взглядов на предметы, вокруг которых, в принципе, завязаны живые люди, такие же, пред Богом, как и он. Может быть прав был редактор, говоря: ведь попущено быть...

Выслушав Рудькину исповедь по этому делу, батюшка утешил его словами из того же Евангелия, сказав, что еретиков нужно увещевать два раза, а затем оставлять, ибо своим упорством они сами себя осудили. От подобных же предложений впредь желательно отказаться. И ещё Рудька понял, что свой Крест можно нести и так – обличать и быть битым, отказываться от лукавых предложений и бедствовать, терпя «прелести» жизни и уповая на Христа.

В конце декабря, за неделю до нового года, ему неожиданно попался старый телефон вроде бы какого-то православного издательства. Да, месяца два назад Рудька отбросил его в сторону, как несерьёзное. Он знал, что в таких издательствах на хлеб насущный невозможно себе заработать. К сожалению после четырёх месяцев безработицы, когда деньги от пособия практически были проедены, сумма, предлагаемая ему первоначально, теперь не казалась крохотной. «Поеду без звонка, – подумал Рудька, – адрес записан. Авось ещё требуется им верстальщик, готовый за такие денежки поработать во славу Божью?»

Переступив порог издательства, Рудьке поначалу показалось, что вся контора куда-то переезжает. В принципе и слово «издательство» для двух подвальных комнатук звучало уж больно громко. Два компьютера и стол редактора с телефоном это ещё не издательство. Но тем ни менее...

– Я по объявлению, – виновато как-то сказал Рудька в ответ на две пары удивлённых глаз. – Оно, правда, месяца два назад было напечатано, но я подумал, мало ли что? А вдруг повезёт!

Одна пара удивлённых глаз принадлежала женщине лет сорока пяти. Длинная юбка до самого пола, какая-то затрапезная кофточка и косынка сразу же выдавали христианскую

натуру. Таких женщин Рудька всегда видел исключительно в храме. По всей видимости это был помощник во всех делах другой пары глаз, спрятанных за круглыми роговыми очками. Она, эта вторая удивлённая пара, принадлежала мелковатому и кругленькому на лицо дядечке лет шестидесяти, с аккуратненькой бородкой и в аккуратненьком костюмчике. Безусловно, он был хозяином всего этого погрома, который увидел Рудька.

– Нет-нет, никогда не поздно, – после некоторой паузы пришёл в себя дядечка, – к нам никогда не поздно.

Он сделал решительный шаг навстречу и двумя руками дружественно поприветствовал изумлённого Рудьку.

– Вы материалы принесли? – поинтересовался он тут же.

– Я верстальщик... – коротко ответил Рудька.

– Ах вот как! Это тоже не плохо, очень не плохо. Давайте пройдёмте в следующую комнату и побеседуем. Я Вам расскажу о своих делах, а Вы уж примете решение, оставаться с нами или нет.

Женщина продолжала наводить мнимый порядок, а собеседники перешли в следующее помещение, которое от предыдущего разделялось узкой полукруглой аркой. Рудьке пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой, а когда он прошёл под аркой и выпрямился, то увидел такой же погром.

– Как Вас зовут, молодой человек? – спросил дядечка, приглашая садиться.

– Родион.

– А я профессор Варганов. Вот, на старости лет решил издательским делом заняться.

Профессор усмехнулся и весело посмотрел на Рудьку. Тот не выдержал его пронзительного взгляда и отвёл глаза.

– Насколько хорошо Вы владеете компьютером? – спросил профессор.

Рудька оживился.

– Могу сам поставить и оптимизировать программное обеспечение для издательских целей. Владею всеми необходимыми программами для вёрстки, обработки изображений и так далее. Знаю технологию самого процесса.

– Отлично!

– Ну конечно не всеми, – признался Рудька, – это просто не серьёзно, но я считаю, что и не нужно. Можно сказать, что в программном обеспечении у меня узкая специализация.

– Ну это же хорошо! – снова воскликнул профессор, поддерживая мысль своего собеседника.

– Могу выполнить вёрстку любой сложности, – подытожил Рудька.

– А вот позвольте Вас спросить, Вы верующий человек?

– Это имеет какое-то отношение к моему трудоустройству? – насторожился Рудька.

– Скорее ко мне это имеет отношение, – пояснил профессор.

– Да, я православный человек, – услышал он в ответ. – Плохой или хороший, но вера у меня конкретная.

– Ну а как Вы относитесь к тому, что сейчас кругом столько книг разного толка выпускают и продают. Вы, когда идёте по улице и видите на лотках, в переходах метро, да везде эти книги, от одних названий которых мурашки по коже?

– Порнография что ли? – засмеялся Рудька. – Или газетёнки, типа, «МК»?

– И это тоже, но я, главным образом, думаю о религиозной литературе. Причём, религиозной, но не православной и даже не католической или протестантской. О литературе сектантской.

А Вы знаете, для меня это ягоды с одного куста, – сказал Рудька и, разводя руками, добавил, – сатанинское отребье.

Но тут он вспомнил свой недавний случай, замолчал и решил больше не высказывать своё мнение по данному вопросу.

– Да-да, именно так, – поддержал профессор, – но я хотел вот о чём спросить. Не оскорбляет ли Ваше человеческое достоинство сам факт наличия подобной литературы? Не обидно ли Вам за себя, когда Вы видите аналогичные книжки на лотках?

Рудька понял эту мысль и решил высказать собственное мнение.

– Десять лет назад в нашей стране вообще нельзя было никаких книжек купить – ни православных, ни еретических. Я не знаю, что лучше, когда ничего нет или когда всё под руками. Тогда мне казалось, что пусть всё будет. Но вот теперь, когда вроде бы цензуры не стало, а я что-то понял в этой жизни и определился в вере, мне, конечно, противно смотреть на подобного рода макулатуру. Я за всем этим вижу конкретных людей, которые, втягиваясь в подобные дела, сознательно или бессознательно губят себя. Мне их жаль, но Господь попускает, значит, в этом какой-то есть смысл. Душа скорбит, противится всему этому, но что я могу поделать, что я могу изменить? Да и кто я такой, что бы что-то менять?

– И всё же, за нацию Вам обидно? – настаивал профессор с конкретным ответом. – За русских людей?

– Обидно, – согласился Рудька. – Плюют нам прямо в лицо, бьют не в бровь, а в глаз.

Профессор, удовлетворённый услышанным ответом, встал со стула и вышел на середину комнатки.

– А цензуры значит нет?

– Выходит, нет, – пожал плечами Рудька.

– А как же быть с этим, молодой человек? – И профессор обвёл руками весь этот погром в помещении.

Рудька слушал.

– Мы выпускали православную литературу и этим были довольны. Но вот однажды к нам в редакцию пришёл один человек и принёс книгу «101 ответ про это...» Да, мы тоже сначала подумали об этом самом, но когда начали читать, то поняли, что не имеем права остаться в стороне. И напечатали.

– О чём книга? – не выдержал Рудька.

– На прошлой неделе в новостях от НТВ ею размахивал один из так называемых силовиков. А вот вчера какие-то люди в масках врываются и устраивают погром. На рукавах у них были эмблемы «ОМОН». Вот, дубинками и сапогами всю технику и мебель разбили. Мне интересно, этот сюжет готовы по телевидению в новостях показать?

– Я не смотрю телевизор, – сочувственно произнёс Рудька.

– Да, – покачал головой профессор, – а то бы Вы были в курсе главного скандала минувшего года.

– Кризис?

– Да что Вы, любезный! – воскликнул профессор. – Какой кризис? О жидках-с, всё вокруг них-с...

– О жидках? Ну я что-то слышал, но ведь это было осенью ещё.

– Помилуйте! До сих пор успокоиться не можем-с.

Рудька понял, что сейчас профессор уже не о себе говорит и со вниманием приготовился выслушать его до конца.

– Вот и вся свобода слова, так называемая! Эти книжки, которые ты конкретно считаешь плевком в твою душу русского человека, можно издавать, а вот эту, в которой что-то там нехорошее про евреев, издавать, оказывается, нельзя. Про те книжки хоть раз ты слышал в той же самой передаче, что не-хо-ро-шо? Наоборот, они тебе такое ведро помоев на голову выльют, ... каждый день льют. Это называется у них свобода слова, свобода печати... Ну а как быть с этой книжкой тогда?

Рудька слушал.

– Как с нею быть? Вот, человек подумал и написал. Кстати, многую правду написал. Мы издали. Тираж-то, ой, всего полторы тысячи экземпляров. Те полторы тысячи, которые купили бы, они имеют право читать и делать свои выводы?

– Конечно, – сказал Рудька.

– Нет, не имеют. Оказывается, не имеют. Тема выбрана не та.

– Значит есть всё-таки цензура?

– От куда дует ветер? – озадаченно произнёс профессор и сел на место. – Что с нами сделали, с русскими? Осталось ли хоть что-нибудь и у кого-нибудь от самосознания?

– Осталось... – твёрдо проговорил Рудька, – отвечая, как самому себе.

– Вот эти ребята, уже в чёрной униформе, сегодня были и предложили нас охранять. Вы представляете, пришли и предложили, те самые, которыми пугают с телевизоров детей. Мы отказались. Пока живёт на этой земле хоть один человек, который помнит последнюю войну, этих он не впустит в своё сердце. Эти у него ассоциируются с теми же, против которых воевал, быть может, твой дед и мой отец.

– А мне кажется, что такими их сделало наше «свободное» телевидение и «свободная» пресса. Искусственно их ассоциируют с фашистами, создают соответствующий имидж.

– Да нет, Родион, в этом только часть правды. Другая часть в том и заключается, что лидеры этой, так называемой, «сдерживающей силы», ничего не знают о русской душе. Забыта сама история, какими мы были.

– А какими мы были? – задумчиво произнёс Рудька.

– А вот, – как бы отвечая на вопрос тысячи таких молодых людей, сказал пожилой профессор. – Мой прадед, Павел Степанович Кручинин, когда получил известие о свержении Государя, растерянно задал только один вопрос: «Армия-то, армия-то что же?» Он не мог поверить в то, что именно армия прежде всего, являющаяся незыблемой опорой Царя, как раз и предала его. Он не мог в это поверить, как такое могло произойти. После этого дед замолчал, заперся у себя в комнате, больше ни с кем не говорил. И через три дня скончался.

Рудька со всех сил скомкал свою шапчонку и пристально смотрел на профессора. Теперь уже тот отвел свои влажные глаза, растерянно бродя ими по груде раскиданных по полу бумаг. Рудька встал и направился к выходу.

– Так Вы остаётесь у нас? – ласково спросила женщина, окликнув его у самого порога.

– Сразу после Рождества я приду, – ответил Родион.

Наше Рождество

1999 г.

Алёша хотел было уже свернуть свою трубу, разобрать штатив и упаковать всё это обратно в чехол, как вдруг внимание его привлекли две иномарки внизу, подъехав на большой скорости и резко остановившись у самого забора, отделяющего улицу от стройки. Из машин повыскакивали молодые парни, показавшиеся изрядно подвыпившими. Они шумели, громко разговаривали между собой на только им одним понятном языке. Будто чего-то искали – такое создавалось впечатление. С крыши недавно построенной, но ещё не сданной девятиэтажки Алёше хорошо было видно, что происходило внизу, даже его подзорной трубы было не нужно. Неожиданно парни запустили в воздух несколько питард, разорвали пару хлопушек, в раз осушили очередную бутылку шампанского и поехали дальше на своих машинах, очевидно, продолжая встречать Рождество в следующем месте.

Теперь только Алёша свернул всю свою амуницию и, последний раз окинув взглядом панораму города, направился к выходу. Здесь, в дверях, он нос к носу чуть было не столкнулся с запыхавшейся от тяжкого подъёма на крышу девушкой. От неожиданности он отпрянул назад.

– Ой! – Тоже от неожиданности встречи закричала девушка. Ноги её подкосились и она упала в сугроб, который успело наместить всего за пару часов.

Два существа какое-то время с опаской изучали друг друга. «Надо же, какая встреча!» – подумал про себя Алёша. Он узнал неожиданную гостью, но всё равно первое, что сообразил сказать, была естественно-глупая фраза из мультфильмов.

– Ты кто?

– Я бежала на крышу... – ещё не отдышавшись, проговорила девушка.

– Тепло в сугробе-то лежать? – усмехнулся Алёша и сделал шаг, чтобы приблизиться.

Его вытянутая рука сообщала о готовности помочь подняться и, видя это, девушка попыталась судорожным рывком сделать это сама. Тонкие руки её провалились в снег и неловкое тело, неуклюже трепыхнувшись, ещё больше увязло в сугроб. Алёша удивлённо смотрел на беспомощно барахтающуюся девушку и не знал, что предпринять. Он боялся подойти, но тут она, сурово глядя в его глаза, сама протянула ему руку.

– Я узнал Вас. – Сказал Алёша, рывком выдёргивая несчастную на волю.

– Да меня все узнают, – проговорила она и быстро пошла к карнизу, став осторожно поглядывать вниз.

– Вы та самая скандальная журналистка, которую отовсюду выгнали: из газеты, с радио, с телевидения... А теперь Вы распространяете какие-то листовки...

– А Вы не видели внизу ничего подозрительного? – Не оборачиваясь спросила девушка.

– Для себя ничего. – Ответил Алёша.

– Машин не было?

– Да были две иномарки.

– И где же они теперь? – Повернулась девушка к Алёше. – Куда поехали?

– Выпили по бутылке и укатили в город. Люди заранее отмечают Рождество. – Пояснил Алёша.

– Фу-у... А я думала, это за мной.

– Чего?

– Охота. Вы же сами сказали – скандальная журналистка.

– Да мне-то в принципе всё равно. Это уж я так, к слову сказал. – Попытался оправдаться за свою бестактность Алёша.

– Просто люди говорят, городская молва.

– Городская молва... – Задумчиво произнесла девушка и Алёша почувствовал в её голосе столько горечи и обиды, что за себя стало вдвойне неловко.

– А я вот не случайно на крыше. – Попытался он смягчить ситуацию. – Меня, кстати, Алёша зовут.

– Ну меня Вы знаете, я Тамара. – Покачиваясь и как-то полубоком девушка подошла к нему.

– Это у меня хобби такое, город в подзорную трубу смотреть. Только Вы не подумайте чего, только город.

– Интересно.

– Ещё как! Но я ведь не просто смотрю, я ищу. – Загадочно произнёс Алёша.

– Ищу? Чего же ищу?

– А вот, неожиданные ракурсы ищу. И Вы спросите, как давно это началось? С самого детства. Я перешёл в седьмой класс, когда мы въехали в панельную девятиэтажку. Это было в 1977 году. Я гордился тем, мой дом был первым высотным.

– Ну нет, первый был у старого кладбища. – Возразила Тамара.

– Вы знаете? – Удивился Алёша.

– Конечно знаю! Почему бы не знать?

– Ну да, конечно, в нашем городке постройка девятиэтажки уже событие. И всё равно, тот дом был каменный, а мой первый из панельных. Во-он он виднеется, видите?

– Понятно. – Произнесла Тамара, поглядев в сторону, куда показал Алёша. Там виднелось уже несколько девятиэтажек, и каменных и панельных. Какую именно он имел ввиду она на могла понять.

– И вот когда я впервые попал на крышу, мною овладела настоящая страсть. Я не просто смотрю, я всё записываю.

– Записываю?

– Веду дневники, где фиксирую свои наблюдения. Ну, как это, что откуда видно, что ли; с каких точек какие достопримечательности открываются.

Услышав про это, Тамара внимательно посмотрела на Алёшу. А он? Он весь был уже в самом себе.

– Значит ты все крыши облазил?

– Все. – Коротко ответил Алёша и Тамара заметила, как в этот момент скромно опустились его глазки.

– Невероятно! – Восторженно воскликнула она. – Все крыши! Все до одной?

– Не только крыши, но и многие столбы.

Тамара покачала головой, продолжая восторженным взглядом осматривать практически готовый материал для своего очередного репортажа или статьи. А Алёша тем временем снова расчехлил своё оборудование и ловкими, привычно-умелыми движениями, установил его на том самом месте, где только-что оно стояло.

– Хотите взглянуть? – Предложил он, зная, что не услышит отказа. – Уже темнеет, но я успею кое-что показать.

Тамара осторожно приблизилась к трубе, но прежде Алёша сам нашёл нужную точку и настроил прибор.

– В узкий глазок объектива мы концентрируем внимание на деталях, которые в обычных условиях просто растворяются в пространстве. – Комментировал по ходу свои действия Алёша. – Вот, я покажу Вам то, что никто никогда не видел и в скором времени вообще не увидит.

Тамара пригнулась к трубе.

- Эта крыша неудачная, ракурсы плохие. – Продолжал комментировать Алёша. – Но этот – настоящая находка! Я его интуитивно вычислил.
- Это же звонница мужского монастыря! – Воскликнула Тамара.
- Да-да! Два года, как построена. А ещё через год, когда завершится восстановление храма, её разберут. А сейчас, смотрите какой вид, а!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.